

УДК 930.85
DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-1-130-139
Оригинальное исследование

Памятники воинской славы Санкт-Петербурга XVIII – начала XX вв. как инструмент исторической политики

Сосницкий Д.А.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет»,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
E-mail: d.sosnitskij@spbu.ru

Аннотация. В рамках работы рассматривается комплекс военных памятников, установленных в Санкт-Петербурге в XVIII – начале XX вв. Основная задача исследования – анализ их места в государственной исторической политике, определение значимости столичной монументальной скульптуры как источника конструирования массовых исторических представлений. Посредством анализа справочной и исследовательской литературы были выделены памятники, посвященные памяти великих полководцев, побед, отдельных сражений и т. д. Проанализировано участие властей в возведении того или иного монумента (непосредственный контроль со стороны императора, размеры выделенных сумм, присутствие на церемониях открытия и т. д.). Выявлены наиболее популярные места памяти и проведено сравнение количества военных памятников, установленных в Санкт-Петербурге в дореволюционный, советский и постсоветский период.

Ключевые слова: монументальная скульптура, историческая память, Санкт-Петербург, образы прошлого, памятники

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке РНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Монументальная скульптура Санкт-Петербурга как инструмент конструирования национальной памяти», проект № 22-78-00164, руководитель Д.А. Сосницкий

Для цитирования: Сосницкий Д.А. 2023. Памятники воинской славы Санкт-Петербурга XVIII – начала XX вв. как инструмент исторической политики. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (1): 130–139. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-130-139

Monuments of Military Glory of St. Petersburg XVIII – Early XX Centuries as an Instrument of Historical Politics

Dmitry A. Sosnitsky

St. Petersburg State University,
7–9 Universitetskaya Emb., Russian Federation, St. Petersburg 199034, Russia
E-mail: d.sosnitskij@spbu.ru

Abstract. The paper deals with the certain monumental sculpture of St. Petersburg. As part of the work, a complex of military monuments installed in St. Petersburg in the 18th – early 20th centuries is considered. The main objective of the study is to analyze their place in the state historical policy, to determine the significance of the capital's monumental sculpture as a source for constructing mass historical representations. Through the analysis of reference and research literature, monuments dedicated to the memory of great commanders, victories, individual battles, etc. were identified. The participation of the authorities in the construction of a particular monument (direct control by the emperor, the amount of allocated funds, presence at the opening ceremonies, etc.) is analyzed. Lost monuments are singled out as a separate category. The most popular places of memory are identified and a comparison is made of the number of military monuments erected in St. Petersburg in the pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet

periods. Conclusions about the place of monuments of military glory in the historical policy of the Russian authorities in the imperial period are drawn.

Key words: monumental sculpture, historical memory, St. Petersburg, images of the past, monuments

Acknowledgements: The research was carried out with the support of the Russian Academy of Sciences within the framework of the research project «Monumental sculpture of St. Petersburg as a tool for constructing national memory», project No. 22-78-00164, head D.A. Sosnitsky.

For citation: Sosnitsky D.A. 2023. Monuments of Military Glory of St. Petersburg XVIII – Early XX Centuries as an Instrument of Historical Politics. *Via in tempore. History and political science.* 50 (1): 130–139 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-130-139

Введение

Среди многочисленных монументов дореволюционного Санкт-Петербурга памятники воинской славы вообще и скульптурные воплощения великих военачальников в частности занимают значительное место. По нашим подсчетам, количество памятников полководцам и различным событиям военной истории сопоставимо со значительным числом скульптурных воплощений государственных деятелей и видных деятелей культуры. Это ярко свидетельствует о том, что военные победы занимали важное место в национальной памяти российского общества XIX – начала XX вв., а обращение к воинской тематике было одним из основных направлений государственной политики памяти. Безусловно, памятники воинской славы неоднократно становились предметом исследования, однако чаще всего они изучались с позиций искусствоведческого анализа [см., напр.: Исаченко, 2004; Памятники, 2012; Нарвские, 2014] или в рамках работ, посвященных истории города вообще [см., напр.: Крюковских, 2001]. Помимо обобщающих работ такого рода, создано множество исследований, посвященных конкретному памятнику [см., напр.: Смирнов, 1986]. В рамках данной статьи осуществлена попытка проанализировать государственный и общественный заказ в конструировании образа прошлого посредством отражения в монументальной скульптуре Санкт-Петербурга событий военной истории России.

Объекты и методы исследования

На основании анализа справочной и исследовательской литературы [Памятники, 2000; Памятники, 2003; Исаченко, 2004; Памятники, 2005; Памятники, 2016; Энциклопедия, 2023] был составлен список памятников, возведенных в Санкт-Петербурге XIX – начала XXI вв., так или иначе связанных с тематикой военных конфликтов, в которых принимала участие Россия. Все памятники были разделены нами на несколько основных категорий: а) военным деятелям; б) военным победам/памяти войн; в) государственным деятелям как покровителям военных учреждений/подразделений; г) конкретным битвам, событиям, происшествиям; д) военным, погибшим не в ходе военных действий. В статье приведены примеры памятников, относящихся к каждой из этих категорий, описаны особенности их возведения, а также торжественных церемоний открытия. В ряде случаев приведены суммы, потраченные на установку монументов. Так как в рамках данного исследования нет возможности подробно рассмотреть все памятники, то в каждой категории будут описаны обстоятельства, связанные с одним или двумя монументами. Все эти сведения должны прояснить позицию государства и общества по отношению к памятникам воинской славы, продемонстрировать внимание власти к военной мемориальной скульптуре как инструменту конструирования национальной памяти.

Результаты и их обсуждение

В первую очередь рассмотрим такую категорию, как памятники выдающимся военным деятелям. Безусловно, к числу ярких примеров памятников такого рода принадлежат скульптурные воплощения героев Отечественной войны 1812 г. – М.И. Кутузова и М.Б. Барклай-де-Толли. Работа над ними была изначально поручена скульптору Э. Шмидту фон дер Лауницу, однако представленные им рисунки были отвергнуты. В результате в августе 1827 г. был объявлен конкурс на создание памятников, но именитые скульпторы (И.П. Мартос, В.И. Демут-Малиновский, С.С. Пименов и Н.А. Токарев) отказались от создания проекта по различным обстоятельствам. Возможно, это было связано с нежеланием изображать полководцев в современных российских мундирах, с холодным оружием и фельдмаршалскими жезлами. Это необычное для того времени условие было обязательным для выполнения [Смирнов, 1986, с. 16–17]. О значимости для государства возведения памятников героям войн говорят, помимо прочего, суммы, отпускаемые на изготовление таких монументов. Так, литейный мастер В.П. Екимов, занимавшийся отливкой из меди фигур М.И. Кутузова и М.Б. Барклай-де-Толли, сообщает президенту Академии художеств А.Н. Оленину, что он обязуется статую М.Б. Барклай-де-Толли «исполнить литьем и чеканкою, как статую князя Смоленского, за ту же цену, а именно за 24 тысячи рублей, и тем же количеством меди, всего 450 пуд., которые казна отпустит мне безмездно» [Таракановский, 2003, с. 135]. На памятники были отпущены значительные суммы. В частности, только на полотно, которым были укрыты статуи, была выделена 1 000 рублей⁴¹. Николай I внимательно следил за всеми этапами работы. Так, например, он вникал даже в нюансы ситуации с производством и доставкой постаментов для памятников героям Отечественной войны 1812 г. В частности, оценив тяжелое положение подрядчика мещанина Суханова (того на протяжении исполнения заказа преследовали неудачи, например, крушение судна, перевозившего материалы), занимавшегося изготовлением постаментов, он велел выдать ему 5 тысяч рублей [подр. об этом см.: Таракановский, 2003, с. 137–140]. Памятники были открыты 25 декабря 1837 г., в 25-летнюю годовщину изгнания Наполеона и его армии за пределы России.

В числе «поздних» памятников, открытых накануне Первой мировой войны и революций, монумент, на котором увековечен погибший в ходе Русско-японской войны вице-адмирал С.О. Макаров. В 1910 г. был создан комитет, посвященный памяти С.О. Макарова, который и собрал средства для возведения памятника. Любопытной особенностью этого проекта было то, что скульпторы, участвовавшие в разработке модели памятника, обязательно должны были учитывать одно обстоятельство. Это обстоятельство – монолитная глыба гранита, которая должна была стать постаментом. Кусок скалы должен был быть использован при возведении памятника Павлу I еще в начале XIX в., однако был потерян в Выборгском заливе. Согласно газетным известиям, камень был замечен в прозрачной воде императором Николаем II, и тот повелел достать его. Обязательным требованием к разработчикам проектов памятника было то, что его необходимо вписать в глыбу в том виде, в котором она существует. Архитектору Л. Шервуду, который в итоге и спроектировал памятник, это удалось. Помимо фигуры самого вице-адмирала, на камне расположены три барельефа: взрыв корабля «Интибах» в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., арктический ледокол «Ермак», взрыв броненосца «Петропавловск». Эти барельефы иллюстрируют важнейшие события в жизни С.О. Макарова [Леонид, 2021, с. 40–42]. Значение, которое придавала власть открытию подобных монументов, выражается в участии государя и многих членов императорской фамилии в церемонии открытия. Помимо Николая II, на открытии памятника присутствовали великие князья Николай Николаевич и Кирилл Владимирович, великие княжны Ольга Николаевна и Татьяна Никола-

⁴¹ ОР РНБ. Ф. 542. Д. 536. Тон Константин Андреевич, архитектор. Отчеты (2) о работе. Л. 3.

евна, великие княгини Мария Федоровна и Виктория Федоровна. Кроме того, в Кронштадт на церемонию прибыли председатель совета министров В.Н. Коковцов, многочисленные министры и члены Государственной Думы. Практически весь номер «Кронштадтского вестника», вышедшего в день открытия памятника, был посвящен адмиралу С.О. Макарову. В редакционной статье, повествующей об этом событии, помимо прочего содержится критика самого положения с увековечиванием имен адмиралов: «Светлой памяти вождя Тихоокеанского флота, нашедшего свой конец в водах далекого океана, воздвигнут на средства личного состава флота памятник. И это тем знаменательнее, что многие вожди русского флота, даже выдающиеся, удостоены этой чести: скажите, где памятник непобедимому Ушакову? Где памятник доблестному Синявину? Славное имя Бутакова только теперь украсит собой на вечные времена списки боевых судов родного флота. А славные Нахимов и Корнилов удостоились памятников спустя полвека их доблестной кончины»⁴². Не совсем ясно, кому адресовано недовольство автора заметки – властям или обществу, но, вероятно, все-таки властям, т. к. в тексте подчеркивается, что памятник возведен «на средства личного состава».

Ко второй многочисленной группе принадлежат монументы в память о войнах и военных победах. В дореволюционном Санкт-Петербурге есть целый ряд памятников такого рода. Это и колонны Славы на Конногвардейском бульваре, и памятник ополченцам Русско-шведской войны 1788–1790 гг. в Усть-Ижоре, и многие другие. В рамках нашего исследования хотелось бы обратить внимание на один из самых значительных монументов такого рода – Московские триумфальные ворота, посвященные победам русских войск в Русско-персидской войне 1826–1828 гг., Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и при усмирении восстания в Царстве Польском в 1830–1831 гг. Архитектор В.П. Стасов, который начал работу над проектом в 1833 г., представил два проекта ворот, которые отличались друг от друга по размерам. Император выбрал «большой» проект. Предварительно для понимания масштаба будущего сооружения была выстроена деревянная модель ворот в натуральную величину [Василий, 2016, с. 69]. В.П. Стасов совместно с директором Александровского чугунолитейного завода составил смету на производство и возведение ворот. Их стоимость составила 825 051 рубль [Гусаров, 2010, с. 64]. Император пристально следил за ходом работ. В частности, Николай I настаивал, чтобы на аттике была установлена скульптурная группа с Александром Невским, однако В.П. Стасов возражал против этого. Эта скульптурная группа не была окончена в связи со смертью Б.Ф. Орловского, трудившегося над ней, и так и не заняла места на Московских воротах, открытых в 1838 г. Масштабная торжественная церемония состоялась 16 октября 1838 г. Непростая судьба ждала этот памятник в XX веке. В суровые дни блокады Ленинграда чугунные цилиндры колонн использовались в качестве противотанковых заграждений на подступах к городу. Московские ворота были полностью воссозданы только в 1961 г. [Василий, 2016, с. 69].

Нами были учтены также памятники императорам и высшим государственным деятелям, однако только в том случае, если они поставлены за какие-либо военные заслуги или шефство военным организациям или подразделениям. К подобным памятникам можно отнести стацию императора Николая I как основателя Санкт-Петербургского Николаевского военного госпиталя, находящуюся внутри здания. Император был изображен на нем во весь рост в сюртуке. Памятник был окружен чугунной решеткой с вензелем императора и венками, на которых указаны год закладки госпиталя (1835) и его открытия (1840). Бюст Николая I был установлен также и в сквере, выходящем на Конногвардейскую улицу, перед главным госпитальным зданием. Несмотря на то, что сам памятник утрачен, мы имеем возможность представить себе, как он выглядел, благодаря описанию, сохранившемуся в издании, выпущенном к юбилею госпиталя в 1890 г. Это был поясной бюст в натуральную величину, поставленный на четырехгранном гранитном обелиске,

⁴² Кронштадт, 24 июля 1913 г. // Кронштадтский вестник. 1913. № 164 (8371), 24 июля. С. 1.

высотой в полторы сажени и окруженный железной решеткой. Надписи на памятнике гласили: «Императору Николаю I, основателю госпиталя» и «Благодарные чины Петербургского Николаевского военного госпиталя 6-го августа 1890 г.». Деньги на этот памятник были собраны офицерскими чинами госпиталя. Автор юбилейного издания пишет: «Этот монумент, пока существует госпиталь, конечно, будет постоянно поддерживаться и не перестанет пробуждать в сердцах наших потомков воспоминания о минувших событиях» [Колодезников, 1890, с. 197]. Этим предсказаниям не суждено было сбыться – памятник простоял меньше 30 лет и был утрачен в первые годы советской власти.

Если говорить о памятниках, установленных в честь какого-либо конкретного события, то здесь, по нашим наблюдениям, чаще всего увековечивались подвиги и экипажи кораблей. Одним из них стал клипер «Опричник» [подр. о гибели клипера «Опричник» см. здесь: Обзор, 1871, с. 31–33]. На первый взгляд, причина, почему памятник был поставлен именно «Опричнику», не до конца ясна – только в 1850–1860-е годы погибли транспорт «Неман», фрегаты «Диана» и «Александр Невский», клипер «Пластун», корвет «Новик» и пароход «Реми». В действительности, вероятно, памятник «Опричнику» поставлен по совокупности обстоятельств. Повлияла, во-первых, история его постройки – корабль был возведен в годы Крымской войны для борьбы с неприятелем. Во-вторых, экипаж корабля принимал участие в гидрографических и исследовательских работах на Дальнем Востоке. В-третьих, гибель клипера окутывает ореол таинственности – «Опричник» пропал без вести при пересечении Индийского океана. Экипажу еще одного корабля – броненосца «Александр III», погибшего полностью в ходе русско-японской войны, посвящен Цусимский обелиск. Все 857 человек, находившихся на борту судна, погибли во время знаменитого сражения. Памятник возводился на средства офицеров, а проект монумента авторства полковника М.С. Путятин был одобрен лично императором.

Некоторые монументы выделяются в череде памятников полководцам и военным действиям. Это памятники людям, так или иначе связанным с военной службой, но умершим или погибшим не при несении воинской службы или выполнении боевых задач. К этой немногочисленной группе принадлежат памятники врачам, известным спасениями солдат и офицеров на войне (С.П. Боткин, Я.В. Виллие); химику-артиллеристу, преподавателю Михайловской артиллерийской академии (Н.П. Панпушко); мичману, бросившемуся с борта корабля в море ради спасения своего товарища (А.А. Домашенко); военному летчику, погибшему при осуществлении испытательного полета (М.Г. Балабушка). В их числе памятный знак на месте гибели Л.М. Мациевича – первого российского авиатора, разбившегося в ходе полета на всероссийском празднике воздухоплавания 24 сентября 1910 г. Авиационные шоу, только появившиеся в это время в России, вызывали неподдельный интерес у зрителей. Среди авиаторов были штатские и военные, к числу которых и принадлежал капитан Л.М. Мациевич. Инженер по специальности, он с 1902 г. служил в Севастопольском порту. Затем поступил на службу по морскому ведомству в Корпус корабельных инженеров. Он принимал участие в постройке крейсера «Очаков» и броненосца «Иоанн Златоуст», подводных лодок «Камбала», «Карась» и «Карп» [Петраков, 2010, с. 55–62]. После гибели капитана Л.М. Мациевича было принято решение об увековечивании его памяти. Средства были собраны по подписке, а уже весной 1911 г. памятник был открыт на Комендантском аэродроме. На памятнике отмечено: «На сем месте пал жертвою долга 24 сентября 1910 года, совершая полет на аэроплане Фармана, корпуса корабельных инженеров флота капитан Лев Макарович Мациевич. Памятник сей сооружен Высочайше утвержденным Особым Комитетом по усилению военного флота на добровольные пожертвования, членом которого состоял погибший». Таким образом, несмотря на то, что гибель Л.М. Мациевича никак не связана с военными действиями (более того, соревнования носили коммерческий характер и погибший авиатор летел на приз высоты, уже заработав в ходе праздника 1 570 рублей призовых [Петраков, 2010, с. 91]), он сам ассоциировался с российской армией, а его выступление – с исполнением «долга». Кроме

того, сама гибель авиатора оказала влияние на развитие техники – спустя год офицер Г.Е. Котельников, бывший свидетелем трагедии, разработал парашют, который помог спастись многим российским летчикам, участвовавшим в Первой мировой войне. Установка памятника Л.М. Мациевичу была вопросом времени, причем небольшого. В данном случае можно говорить о том, что это была инициатива не только государственная, но и общественная. Гибель летчика приковала к себе огромное внимание. Вот как его похороны описаны на страницах сборника, посвященного памяти Л.М. Мациевича: «В церковь с 9 часов утра начали прибывать депутации от самых разнообразных учреждений и групп. Моряки, кавалергарды, студенты, курсистки, рабочие, артисты, нижние чины и т. д. Парадные мундиры чинов разных ведомств и воинских частей мешались со скромными костюмами учащихся и штатской публики <...> Отдать последний долг усопшему прибыли: военный министр Сухомлинов, товар. мор. министра адм. Григорьев, помощ. Военного министра генерал Поливанов, адмиралы: Яковлев, де-Ливрон, Рейценштейн, Зацаренный; генералы: бар. Каульбарс, Кованько, контр-адмирал гр. Толстой. Члены Госуд. Думы: Гучков, Челноков, Лерхе, Некрасов, Степанов и мн. др. А также вр. пребывающий в Петербурге военный министр Соедин. Штатов Дикенсон и представители французских авиаторов Полана и Райта» [Сборник, 1912, с. 98–99].

Отдельно стоит сказать о тех военных памятниках Санкт-Петербурга, которые позднее были утрачены. Как правило, подобные утраты происходили в результате исполнения декрета «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг» от 12 апреля 1918 г. Одной из самых известных «жертв» этого декрета стал памятник М.Д. Скобелеву в Москве. Летом 1918 г., согласно газетным сообщениям, рабочие завода Гужона (позднее «Серп и молот») стали самостоятельно разрушать монумент. Эта инициатива была поддержана властями, и вскоре на месте фигуры генерала появился памятник советской конституции. Однако и он не простоял на площади, переименованной в «Советскую», долго. После окончания Великой Отечественной войны на этом месте был установлен памятник основателю Москвы – Юрию Долгорукому [Романюк, 1992, с. 119–120]. В Петрограде большевики уничтожили памятник еще одному герою Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – великому князю Николаю Николаевичу-старшему. Идея создания памятника появилась в 1910 г., и в связи с этим был создан специальный комитет, который пытался получить разрешение на установку памятника сначала на Конногвардейском бульваре, а затем в ограде Ксениинского института. Оба этих предложения были отвергнуты, и городская дума разрешила установку памятника в Ново-Манежном сквере. На торжественной церемонии открытия памятника 12 января 1914 г. присутствовал император, члены императорской фамилии, делегации Румынии, Болгарии, Сербии и Черногории, ветераны Русско-турецкой войны 1877–1878 г. На постаменте памятника было помещено 4 горельефа: 1) парад под стенами Константинополя (изображены великий князь Николай Николаевич-старший, наследник-цесаревич Александр, великий князь Владимир Александрович, герцог С.М. Лейхтенбергский, М.Д. Скобелев и др.); 2) группа из пяти знаменосцев (русский, серб, румын, болгарин, черногорец); 3) Плевна; 4) Шипка. В газетных заметках, посвященных церемонии открытия, перечисляются многочисленные полки и взводы, выстроенные на площади и прилегающих к ней улицах. Подробно описано и участие императора, который в числе прочего «изволил обходить бывших участников русско-турецкой войны. Раздалась команда к церемониальному маршу. Молодецки проходили войска, удостоившись Царского спасибо» [Открытие памятника..., 1914, с. 3]. Стоимость памятника составила 330 тысяч рублей [Веснина, 2008, с. 174–177]. Однако простоял монумент на площади совсем недолго. Согласно декрету «О памятниках республики» он был убран. В дальнейшем на этом месте собирались установить памятник Н.В. Гоголю, но и этим планам не суждено было сбыться.

По нашим подсчетам, всего в Санкт-Петербурге XVIII – начала XX вв. был установлен 41 памятник военным героям и событиям. Для того чтобы понять, много это или мало, приведем цифры за последующие периоды. С 1917 по 1991 г., т. е. за советский период

истории Санкт-Петербурга/Петрограда/Ленинграда, было установлено не менее 48 военных монументов, за период с 1991 по 2023 гг. – не менее 30. Для двух последних периодов приведены минимальные цифры, т. к. специального всеобъемлющего исследования по этой теме еще не приводилось, а данные справочной и исследовательской литературы нельзя считать исчерпывающими в силу трудности классификации ряда памятников (например, некоторых мемориальных комплексов) и того фактора, что некоторые недавно открытые памятники еще не учтены в справочниках. Тем не менее полученные данные позволяют нам выявить распределение военных памятников по периодам в процентном соотношении: а) XVIII – начало XX вв. – 34,45 %; б) 1917–1991 гг. – 40,33 %; в) 1991–2023 гг. – 25,21 %. Если же говорить о распределении по востребованности основных (в данном случае – периодов) и локальных (личности, события, явления) объектов исторической памяти, то применительно к исследуемому периоду можно выделить следующие тенденции. В дореволюционной монументальной скульптуре военной тематики чаще всего обращались к сюжетам XIX в. – 21 раз (51,21 %). Доли XVIII и XX столетий примерно равны – 21,95 % и 26,82 % соответственно. Обратимся также к «рейтингу» популярности локальных объектов исторической памяти (таблица 1), составленному при анализе монументальной скульптуры Санкт-Петербурга XVIII – начала XX вв.

Таблица 1
Table 1

Рейтинг популярности локальных объектов памяти в военных памятниках Санкт-Петербурга XVIII – начала XX вв.

Rating of the popularity of local memory objects in the military monuments of St. Petersburg in the 18th – early 20th centuries

№	Объект исторической памяти	Количество памятников
1–2	Отечественная война 1812 г., русско-японская война 1904–1905 гг.	6
3–4	Русско-турецкая война 1877–1878 гг., русско-турецкая война 1768–1774 гг.	3
5–6	Александр I, Николай I	2

Приведем также данные наших подсчетов, демонстрирующие распределение всего комплекса проанализированных монументов по тематическим группам (таблица 2).

Таблица 2
Table 2

Распределение военных памятников по тематическим категориям
Distribution of military monuments by thematic categories

Группа	Военным деятелям/подразделениям	Военным победам/памяти войн	Государственным деятелям как покровителям военных учреждений/подразделений	Конкретным битвам, событиям, происшествиям	Военным, погибшим не в ходе военных действий
Количество (в %)	36,54	34,13	7,3	9,75	12,19

Заключение

Подводя итог нашему краткому обзору, отметим, что изучение обстоятельств установки воинских памятников в Санкт-Петербурге позволило сделать вывод о главенствующей роли государства в большинстве проектов. Даже когда памятник устанавливался за счет средств, собранных по подписке, власти так или иначе участвовали в его открытии. В случае с известными деятелями армии и флота на открытие монументов зачастую при-

езжал сам император или направлял представителей императорской семьи. Еще одной формой непосредственного участия царя было одобрение того или иного проекта памятника и пристальный контроль за работами по его возведению. Если же говорить о коллективных исторических представлениях, которые должны были быть сформированы у широких слоев населения посредством восприятия этих памятников, то ключевым моментом здесь является актуализация памяти о совсем недавнем прошлом. Эта тенденция сохраняется и в современной России, где памятников событиям и героям Великой Отечественной войны, возводится значительно больше, чем средневековым князьям-воинам. Однако в дореволюционной России память о древней и средневековой военной истории России не актуализировалась вовсе. Несмотря на то, что пантеон увековечиваемых в этот период героев ограничен двухвековым хронологическим отрезком, памятники воинской славы составляют значительную часть всего комплекса монументальной скульптуры дореволюционного Санкт-Петербурга. Это позволяет нам сделать вывод о том, что они с точки зрения как властей, так и общественности имели первостепенное значение для формирования массовых представлений об истории России.

Список источников

- Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 542. Оленин А.Н. Д. 536. Тон Константин Андреевич, архитектор. Отчеты (2) о работе. 3 л.
Кронштадт, 24 июля 1913 г. Кронштадтский вестник. 1913. 24 июля. 164 (8371): 1.
Открытие памятника Генерал-Фельдмаршалу Великому Князю Николаю Николаевичу. Петербургский листок. 1914. 12: 3.

Список литературы

- Василий Петрович Стасов (1769–1848). Москва, Комсомольская правда; Директ-медиа, 2016.
Веснина Н.Н. 2008. Сады Невского проспекта. Санкт-Петербург, ПроPILEI, 207.
Гусаров А.Ю. 2010. Памятники воинской славы Петербурга. Санкт-Петербург «Паритет», 400.
Исаченко В.Г. 2004. Памятники Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург, «Паритет», 396.
Колодезников В.П. 1890. Очерк истории Петербургского николаевского военного госпиталя (1840–1890). Санкт-Петербург, Типография И.Н. Скороходова, 236.
Крюковских А.П. 2001. Скульптура Санкт-Петербурга: Художественно-исторический очерк. Санкт-Петербург, Лениздат, 379.
Леонид Шервуд. Путь скульптора. Сост. В. Шервуд. Санкт-Петербург, Издательство ООО «Союз писателей Петербурга», 2021.
Нарвские триумфальные ворота: [альбом-каталог к 180-летию Памятника]. Санкт-Петербург, Государственный музей городской скульптуры, 2014.
Обзор заграничных плавания судов русского военного флота с 1850 по 1868 год. Санкт-Петербург, типография Морского министерства, 1871. Т. II.
Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной. В.И. Андреева и др. Отв. ред. Б.М. Кириков. Санкт-Петербург, Альт-Софт, 2000.
Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной. В.И. Андреева и др. Отв. ред. Б.М. Кириков. Санкт-Петербург, Альт-Софт: Серебряный век, 2003.
Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной. В.И. Андреева и др. отв. ред.: Б.М. Кириков. Санкт-Петербург, Альт-Софт, 2005.
Памятники Отечественной войне 1812 года в Санкт-Петербурге: путеводитель. Санкт-Петербург, Государственный музей истории Санкт-Петербурга, 2012.
Памятники Санкт-Петербурга. Государственный музей городской скульптуры; [авторы-составители: Е.А. Жарова и др.]. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна», 2016.
Петраков В.В. 2010. Лев Мациевич: памятная книжка: биография, документы, публикации. Москва, Фонд содействия авиации «Русские Витязи», 192.
Романюк С.К. 1992. Москва. Утраты. Москва, Издательство ПТО «Центр», 336.

- Сборник памяти Л.М. Мациевича (1 января 1877 г. – 24 сентября 1910 г.) (Биографический очерк, воспоминания, газетные статьи, телеграммы и т. д. Санкт-Петербург, Типография А.С. Суворина, 1912.
- Смирнов А.А. 1986. Памятник М.И. Кутузову. Москва, Московский рабочий, 75.
- Таракановский Г.Г. 2003. «Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую...». Санкт-Петербург, Издательство «Лема», 148.
- Энциклопедия «Санкт-Петербург». URL: <http://encspb.ru/object/2805451993> (дата обращения: 17.01.2023).

References

- Vasiliy Petrovich Stasov (1769–1848). М., Komsomol'skaya pravda; Direkt-media, 2016 (in Russian).
- Vesnina N.N. 2008. Sady Nevskogo prospekta [Gardens of Nevsky Prospekt]. Saint-Petersburg, Propilei, 207 (in Russian).
- Gusarov A.Yu. 2010. Pamyatniki voinskoj slavy Peterburga [Monuments of military glory of St. Petersburg]. Saint-Petersburg, «Paritet», 400 (in Russian).
- Isachenko V.G. 2004. Pamyatniki Sankt-Peterburga [Monuments of St. Petersburg]. Saint-Petersburg, «Paritet», 396 (in Russian).
- Kolodeznikov V.P. 1890. Oчерk istorii Peterburgskogo nikolaevskogo voennogo gosпитalya (1840–1890) [Essay on the history of the St. Petersburg Nikolaev military hospital (1840–1890)]. Saint-Petersburg, Printing house I.N. Skorokhodova, 236 (in Russian).
- Kryukovskikh A.P. 2001. Skul'ptura Sankt-Peterburga: Khudozhestvenno-istoricheskij oчерk [Sculpture of St. Petersburg: An Artistic and Historical Essay]. Saint-Petersburg, Lenizdat, 379 (in Russian).
- Leonid Shervud. Put' skul'ptora. Sost. V. Shervud. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo OOO «Soyuz pisateley Peterburga», 2021.
- Narvskie triumfal'nye vorota: [al'bom-katalog k 180-letiyu pamyatnika]. Saint-Petersburg, Gosudarstvennyy muzey gorodskoy skul'ptury, 2014.
- Obzor zagranichnykh plavaniya sudov russkogo voennogo flota s 1850 po 1868 god. Saint-Petersburg, tipografiya Morskogo ministerstva, 1871. Т. II.
- Pamyatniki istorii i kul'tury Sankt-Peterburga, sostoyashchie pod gosudarstvennoy okhranoy. V.I. Andreeva i dr. Otv. red. B.M. Kirikov. Saint-Petersburg, Al't-Soft, 2000.
- Pamyatniki istorii i kul'tury Sankt-Peterburga, sostoyashchie pod gosudarstvennoy okhranoy. V.I. Andreeva i dr. Otv. red. B.M. Kirikov. Saint-Petersburg, Al't-Soft: Serebryanyy vek, 2003.
- Pamyatniki istorii i kul'tury Sankt-Peterburga, sostoyashchie pod gosudarstvennoy okhranoy. V.I. Andreeva i dr. Otv. red.: B.M. Kirikov. Saint-Petersburg, Al't-Soft, 2005.
- Pamyatniki Otechestvennoy voyne 1812 goda v Sankt-Peterburge: putevoditel'. Saint-Petersburg, Gosudarstvennyy muzey istorii Sankt-Peterburga, 2012.
- Pamyatniki Sankt-Peterburga. Gosudarstvennyy muzey gorodskoy skul'ptury; [avtory-sostaviteli: E.A. Zharova i dr.]. Saint-Petersburg, FGBOU VPO «Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet tekhnologii i dizayna», 2016.
- Petrakov V.V. 2010. Lev Matsievich: pamyatnaya knizhka: biografiya, dokumenty, publikatsii [Lev Matsievich: memorial book: biography, documents, publications]. Moscow, Aviation Assistance Fund «Russian Knights», 192 (in Russian).
- Romanyuk S.K. 1992. Moskva. Utraty [Moscow. Losses.] Moscow: Publishing house «Center», 336 (in Russian).
- Sbornik pamyati L.M. Matsievicha (1 yanvarya 1877 g. – 24 sentyabrya 1910 g.) (Biograficheskiy oчерk, vospominaniya, gazetnye stat'i, telgrammy i t. d. Saint-Petersburg, Tipografiya A.S. Suvorina, 1912.
- Smirnov A.A. 1986. Pamyatnik M.I. Kutuzovu [Monument to M.I. Kutuzov]. Moscow, Publishing house «Moskovskiy rabochiy», 75 (in Russian).
- Tarakanovskiy G.G. 2003. «Grusten i vesel vkhozhu, vayatel', v tvoyu masterskuyu...» [«I am sad and cheerful, sculptor, I enter your workshop ...»]. Saint-Petersburg, Publishing House «Lema», 148 (in Russian).
- Entsiklopediya «Sankt-Peterburg». Available at: <http://encspb.ru/object/2805451993> (accessed 17 January 2023) (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 12.02.2023

Поступила после рецензирования 13.03.2023

Принята к публикации 15.03.2023

Received 12.02.2023

Revised 13.03.2023

Accepted 15.03.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сосницкий Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

 [ORCID: 0000-0002-2489-1560](https://orcid.org/0000-0002-2489-1560)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry A. Sosnitsky, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia